

МУЗЫКАНТ, переступивший порог шестидесятилетия, оглядывается назад. Вспоминает. Вслушивается в себя. Рассказывает...

Чем представляется ему пройденный путь? Как соединяются в его памяти разрозненные листки его собственной «книжки» — каждый такой листок дорог ему чем-то очень личным. Встреча, которой не забыть. Событие, круто повернувшее жизнь. Творческий всплеск, подаривший успех и признание. Долг совести, отданный людям. Ученик и последователь, которым гордишься. Будни, что радостнее праздников...

И кажется, что такая жизнь, полная ярких, теснящих друг друга впечатлений, похожа на красочную мозаику: в ней важно все. И мельчайшая деталь, и вся целостная, завершенная, одуховленная картина жизни...

ТЕЛЕФОН звонит беспрерывно.

Сидишь в кабинете Нестерова уже целый час, а поговорить с ним — точнее, порасспросить о прошедшем и сегодняшнем — не удается. Кажется, уже — безнадежно: телефон звонит беспрерывно, и до меня доходят, после негромко-деловитого нестеровского «слушаю», самые разные голоса, почему-то звучно разносящиеся из телефонной трубки по всему кабинету. Звонят бывшие студенты, выпускники — просто поделиться новостями, испробовать совета. Звонят коллеги — композиторы, консерваторские педагоги — обсуждают насущные дела. Звонят, несмотря на субботний день, из управления культуры — что-то срочно решается с поездкой горьковских музыкантов на Дальний Восток. Звонят из Союза композиторов, уточняют программу концертного абонемента, составленного из со-

Кроме военного, где играет отец будущего композитора, оркестры есть и у пожарных, и у железнодорожников. Играют не только музыку для танцев и традиционные марши, но и популярную классику: публика, прогуливаясь вечером у пруда под самой эстрадой, слушает Глинку, Чайковского, погулри из любимых венских оперетт.

В музыкальный мир мальчика входит песня. И сейчас Аркадий Александрович отчетливо помнит пение в своем доме, когда собирались под вечер друзья и составлялся чудесный ансамбль: русские народные песни, искусно расплетенные на голоса, старинные трогательные романсы. Трое мальчишек, сыновей хозяев дома, забравшись на печку, слушают, слушают, а потом и сами подпевать начинают.

Не отсюда ли тянется нить к другим покоющим мальчишкам — для них композитор Нестеров пишет музыку с особенной любовью. Горьковская хоровая капелла мальчишек и ее руководитель Л. Сивухин платят композитору ответной радостной признательностью: и в многочисленных концертах, и в гостевых поездках, и в учебных классах, и на недавнем диске фирмы «Мелодия» — простые, полные энергии и подлинно детского упоения жизнью песни Нестерова, его кантата «Мальчишки и солнце»...

Но вот уже звучит труба. Маленький музыкант, почти самоучка, делает первые шаги по стопам отца, след в след — в прямом и в переносном смысле. Я вижу его в рядах оркестрантов: десятилетний, он старательно приспосабливает свой коротенький шаг к поступи взрослых, проходя по улицам родного городка в праздничный день. Сколько счастья, сколь-

руководителя. Вообще благодать учителей, на которых Нестерова всегда «везло», живет в нем и по сей день сильно и, я бы сказала, активно, переполняясь в собственный педагогический опыт. Более тридцати композиторов подготовил Аркадий Александрович в своем консерваторском классе. И то, что вышли из них своеобразные, плодотворно работа-

повествования приобрела в опере эпические черты.

Наверное, это и есть самое важное в «Журавлях»: сплав конкретного, характерно-личного восприятия и всеобщего, народно-эпического переживания трагедии. Потому-то в музыке оперы, в ее драматургии так много особой, выразительной символики: ведь и журавль — многозначный образ, символ счастливого,

Четыре части симфонии — четыре главы книги об одном герое. А герой этот — сам народ, его судьба в революции. Замысел симфонии, при совершенно точных «исторических персонажах» повествования, очень музыкален: основная драматургическая идея произведения состоит в развитии, становлении и трансформации единой, центральной темы. Ее интонации,

заслужил славу одного из самых «музыкальных» городов страны, открывается «Торжественным прелюдием» Нестерова, ставшим своеобразной эмблемой этих фестивалей.

Музыка Аркадия Нестерова широко популярна и любима. Композитора можно встретить и в многолюдных цехах промышленных гигантов города, и в небольшом зале сельского Дома культу-

**ЧЕЛОВЕК
НОВОГО
МИРА**

КОМПОЗИТОР

чинений молодежи: кого из горьковчан рекомендовать для всеобщего показа? И даже совсем посторонние люди звонят сюда, в кабинет ректора Горьковской консерватории, профессора Аркадия Александровича Нестерова: надтреснутый, какой-то шершавый старческий голосок церемонно спрашивает, в какой музей отдать совершенно замечательную пианолу, карельской березы, в полной сохранности...

Эта самая пианолола совсем уж было приводит меня в отчаяние. Но, как счастье порой бывает, внезапно «срабатывает» наоборот. Подумалось — вот оно, это и есть правда его жизни. А если бы мы неспешно беседовали в тишине чинного кабинета, — книги за стеклом, роль, старинные напольные часы, неяркий свет в высоких окнах, за которыми осенний скверик, — вот это была бы «кривда». Потому что не только по неотложному вопросу, но и по поводу экзотической пианолы звонят сюда не просто «ректору консерватории», а Аркадию Александровичу Нестерову, человеку, которому до всего есть дело.

И дальше, терпеливо дожидаясь своей очереди, сквозь непрерывные телефонные звонки, сквозь нескончаемый поток дел, решаемых Нестеровым на редкость спокойно и заинтересованно, я вдруг вспоминаю рассуждение из недавно изданной книги мемуаров М. Шагиняна. О том, что иным людям доступно бывает удивительное состояние: незная на полную событий, «густую» жизнь вокруг, проходить над ней, пребывая в некоей защитной оболочке. Когда действительность проплывает мимо, как панорама в балете «Спящая красавица»... Человек, разговора с которым я жду и «доминанту» которого, кажется, начинаю постигать, еще и не приступив к «собственно общению», человек этот — антипод описанного М. Шагиняна «существа в оболочке». Ни за что не сумел бы он, наверное, отрешиться от плотного жизненного потока, стать над ним в позу созерцателя. Да и не возникало у него никогда такого желания. Возникало всегда другое — броситься в этот поток, погрузиться в него с головой...

Угадав это свойство, нет, вернее — позицию музыканта, педагога, общественного деятеля по всему, чем был переполнен этот «битый час» ожидания, я слушаю, наконец, рассказ Аркадия Александровича и легко нахожу живые подтверждения своей догадке.

Он говорит о своем детстве, о юности и годах ученичества, о войне. О труде композитора и долге художника. Об учителях и учениках. Мелькают точные и живописные детали, за ними встает главное, целостное. И странное дело! Каждый эпизод биографии человека мимозно профицируется на движущееся, как в кинематографе, «плотно» творчества: связь эта естественна и непреложна, и потому в долгом нашем разговоре сливаются, врастая друг в друга, встречи, события — и музыка, творчество...

МАЛЕНЬКИЙ провинциальный Гжатск, пыль немощных улиц и зелен пруда в городском саду. Городок на удивление «звучащий»: целых три оркестра-

ко душевного подъема и гордости за свою музыку, сколько юной романтики в этом торжественном шествии и сколько почтительного уважения в глазах товарищей — они, конечно, бегут рядом, с восторгом провожая гремящий духовой оркестр!

Эта романтика отрочества, высокие его помыслы и свежая, звенящая сила отзвучатся потом в нестеровском «Тимуре»: балет по повести А. Гайдара композитор напишет, уже будучи опытным мастером, на пороге своего сорокалетия.

Сюжет и образы Гайдара — благодатный материал для творческого дарования Нестерова, для его чрезвычайно живого пера, для его способности слышать современность. В балете много подлинной юности — и озорства, и юмора, и темперамента, и чистой лирики. А главное — «Тимур» предполагает жизненный, порою даже житейский музыкальный язык, интонации советской массовой, пионерской песни, танца, марша — речь, легко достигающую слушателя, убеждающую его. Воистину «родная речь» для композитора! Спектакль (теперь уже в новой редакции) и по сей день с успехом идет на сцене Горьковского театра оперы и балета.

Поворачивается в руках музыканта, в его памяти «каледонско» жизни, вновь складывается из красочных фрагментов мозаика, и теперь перед нами — раннее московское утро. Четырнадцатилетний подросток подходит к проходной воинской части. Навстречу ему такой же паренек. Нет, не совсем такой же: на нем форма воспитанника завода трубачей 62-го кавалерийского полка.

— Ты чего пришел? На чем играешь?

— На трубе...

— А есть хочешь? Пошли! Так, «начаянно», за миской гречневой каши с мясом, за бойкой мальчишеской беседой возникла эта дружба на всю жизнь, дружба двух музыкантов. Воспитанник Тимоша, встретивший Нестерова буквально «на пороге» новой, московской жизни, — будущий Тимофей Докшицер, прославленный трубач, первый исполнитель нестеровского Концерта для трубы с оркестром (ему и посвящено это сочинение).

Трехчастная композиция Концерта раскрывает ясную драматургическую идею: преобразование песни, ее богатую внутреннюю динамику «жанровую биографию». Широкие, вольно дышащие интонации анданте, в духе протяжной русской песенности, сменяются во второй части фольклорным хором, и, накапливая энергию, высвобождают ее в ликующем финале, где солирующая труба, после теплой выразительности первых частей, раскрывает все свои ярко-виртуозные возможности.

Это сочинение, тоже, как и ранее написанный Концерт для тромбона с оркестром, — закономерное проявление не только творческого дара А. Нестерова, но и его прекрасного практического знания и чувства оркестрового инструмента. Новое — сплав музыки и жизни...

ВРЕМЯ, проведенное в музыкальном классе, очень дорого композитору. С любовью благодарностью он вспоминает капельмейстера Анатолия Игнатьевича Чижова, своего наставника и

руководителя. Вообще благодать учителей, на которых Нестерова всегда «везло», живет в нем и по сей день сильно и, я бы сказала, активно, переполняясь в собственный педагогический опыт. Более тридцати композиторов подготовил Аркадий Александрович в своем консерваторском классе. И то, что вышли из них своеобразные, плодотворно работа-

ющие музыканты, во многом — следствие главного правила Нестерова-педагога: обучая мастерству, развивать в ученике его природное, собственное, индивидуальное. Поэтому-то так не похожи друг на друга Михаил Зайчиков и Евгений Казановский, Герман Комраков и Игорь Ефремов, Борис Гецелев и Станислав Стразов, потому-то с успехом вошли в среду своей национальной культуры молодые композиторы — посланцы Бурятии, Мордовии, Коми и Марийской республики, прошедшие школу Нестерова.

В этом заботливом пестовании молодежи как бы впечатан знак священной, высоко традиционной преемственности отечественной музыкальной культуры, знак связи с классикой русской и советской музыки: у ее корифеев сам Нестеров постигал премудрости творческие и человеческие.

Недолго пришлось юному трубачу быть воспитанником музыкантского завода — всего два года. Но вместили они так много, как может принять в себя только пора взросления. Отощли в прошлом романтические сигналы на полном карьере, ночные переходы, парады у стен Кремля. На смену этой «гайдаровской» юности пришла школа. Классы Гнесинского училища, где Нестеров, будучи вначале учеником М. Табакова, довольно скоро «прибавил к занятиям на трубе уроки сочинения. Первым его руководителем на этом поприще был Е. Месснер, затем — В. Шебалин.

Попав в класс «самого Шебалина» было опромной частью: авторитет одного из крупнейших советских композиторов стоял среди студентов Московской консерватории (куда Нестеров поступает в 1939 г.) чрезвычайно высоко. В. Я. Шебалин стал для начинающего композитора настоящим олицетворением Учителя, чьи принципы, верные заветам классики, Нестеров впитал глубоко и прочно, впитал, чтобы позже передать своим ученикам.

ИЮНЬ сорок первого принес Нестерова первую творческую победу: за четыре дня до начала Великой Отечественной ему присуждается премия на консерваторском квартетном конкурсе. Так хочется работать орылоному успехом молодому композитору! Но судьба решает иначе. Нестеров уходит в народное ополчение, а затем в ряды Советской Армии. День Победы он встречает в Восточной Германии.

Рассказывать о военном времени Аркадий Александрович не любит. Да и что слова, когда трагедию величия народного подвига, потрясающее душу, нашло неизбежный выход в творчестве! И прежде всего — в опере «Летя журавли», созданной в преддверии двух юбилейных дат и посвященной этим датам: столетию со дня рождения В. И. Ленина и двадцатипятилетию Победы.

мирного отчего дома...

Есть в опере тема журавлей, их лейтмотив, простой, теплый, уютный — когда напевают свою немудрящую лесенку Вероника и Борис, по-мужски суровый и непреклонный в хоровом прологе, преобразившийся в плач, причитание, пронзительно-печальный в трию пятой картины? Бориса нет в живых. Нет? «Вечно живые» в нашей памяти, павшие воины прославлены в торжественном хоре, заключающем оперу, — и вновь звучит здесь «журавлиная» тема уже как символ бессмертия героев.

Высокое гражданское чувство, выросшее из очень русского, очень близкого фольклорной поэтике образа, лежит в основе другого «военного» произведения Нестерова — симфонической поэмы «Белая береза». Это сочинение, имеющее конкретную программу, создано по роману М. Бубеннова, роману о мужестве советского солдата.

В этом сочинении выявилась еще одна грань творческого дара Нестерова: талант «видеть музыку». Впечатляющие, рельефные образы встают перед внутренним взором слушателя, когда композитор живописует битву, когда рисует светлый образ березки — «песенного дерева», по словам автора романа. Но при всей зрительной яркости эта музыка отнюдь не иллюстративна, напротив, просвещена чисто музыкальным током, напоена вдохновенной русской интонацией. Недаром «Белая береза» всегда так горячо принимается слушателями.

ВОЙНА прервала консерваторскую жизнь Нестерова. Заканчивая курс ему пришлось уже в 1943 году. И вот осенью того же года Аркадий Александрович приезжает в Горький, в только что открытую консерваторию, — теперь он уже сам педагог, чей профессиональный и человеческий опыт так нужен в городе с интенсивной и разнообразной музыкальной жизнью. С этого времени Нижегородский край станет Нестеровым родным: здесь разворачивается его музыкально-общественная деятельность, поле которой так широко! Здесь оперный театр, симфонический оркестр, хоровые коллективы, здесь организация Союза композиторов, с 1965 года Нестеров — председатель правления. Здесь так много дела для музыканта-коммуниста, принимающего близко к сердцу людские дела и заботы: с честью несет Нестеров обязанности депутата областного Совета. Здесь, наконец, плодородная почва для творческой фантазии: такие крупные, характерные сочинения, как Вторая симфония и поэма «Буревестник», созданы им на образно-сюжетном материале истории и культуры Нижегородского края.

Вторая симфония посвящена революционному Сормову. Не впервые привлекает художников «сормовская» тема: образы героев-сормовичей вызвали к жизни роман М. Горького «Мать». А в роли эпиграфов к каждой части выступают стихи одного из первых пролетарских поэтов-нижегородца А. Белозерова: Нестеров и здесь, в самом монументально-обобщенном жанре — симфонии — верен принципам реалистической программы.

ее сила и властная значительность захватывает в свое образное поле все прочнее тематические «персонажи», — так в многофигурном полотне художника характер, внутренний и внешний облик центрального героя объединяет композицию, формируя ее «по своему образу и подобию».

Слушая симфонию, мы с волнением следим, как из ее зеркала — тоскливой, безрадостной, мелодии пригнутой и земле будничной, вобравшей в себя и протяжную русскую песенность, и отголоски сурового революционного марша, вырастают расправившийся, динамичный и мощный образ. Лейтмотив симфонии вырезается, взметывая, как знамя, в драматические события второй части, пробивается в траурной поступи Реквиема, встает в полный рост в победном финале.

«Сормовская симфония» А. Нестерова живет на концертной эстраде уже два десятилетия: это живой вклад художника в музыкальную летопись революции. Симфония исполнялась для рабочих завода «Красное Сормово», звучала в дни празднования 750-летия Нижнего Новгорода — Горького.

КАК удивительно, причудливо бывают порой связаны в мозаике жизни отдаленные друг от друга события и обстоятельство! Есть поговорка: «Будущее отбрасывает свои тени». Может быть, ее вспоминает Аркадий Александрович, выходя из своего дома, в двух шагах от площади Минина и Пожарского, от памятника народному герою 1612 года: ведь много лет назад, еще будучи выпускником Московской консерватории и не помышляя о нашем городе, он выбрал для своей дипломной работы именно этот сюжет русской истории. Одноактная опера «Козьма Минин» написана им на собственное либретто.

А вот другая деталь, в которой, как в капле воды, видна органическая связь композитора с нижегородской землей, ее музыкальной жизнью и традициями: фестивалю «Современная музыка», благодаря которым Горький

ры. Визу, как выходит он на такую маленькую клубную сцену, садится за инструмент, а в зале, битком набитом взрослыми и детьми (целыми семьями приходят на такие концерты!), — чуткая, осязаемая тишина...

— Я сейчас покажу вам песню ваших земляков: она записана здесь, в Лысковском районе. Песня эта старинная, времен Степана Разина. Я очень рад, что мы нашли ее, — великодушная, самобытная, настоящее сокровище! Я ее обработал, и теперь она звучит в концертном зале...

ВОТ и еще один «фрагмент мозаики»: как плотно пригнаны они друг к другу в этой жизни, как искусно созданы, выстраивают замечательную биографию!

Но, может быть, мое сравнение неуместно? Ведь мозаика, при всем богатстве красок, статична, а живая жизнь — все в динамике? Пусть простит мне читатель еще одно отступление от линии рассказа, теперь уже завершающее.

В древнем и совершенном искусстве византийской мозаики важнее всего — освещение. Свет! Он отражается в мельчайших кубиках камня и смальты, отражается так, чтобы вызвать особое звучание цветовой гаммы. Сверкая или затухая, свет преобразует цвет. Цвета приходят в движение, картина воспринимается нами не только в пространстве, но как бы и во времени.

В жизни человека, если она так наполнена, так многообразна по цвету и при этом так удивительно целостна, тоже есть свой свет. Яркий и мощный луч духовности, высокой гражданской цели — служения своему народу — вот свет «мозаики» Аркадия Александровича Нестерова, музыканта и человека.

Л. КРЫЛОВА.

НА СНИМКАХ: Аркадий Александрович Нестеров; занятие с учениками — стажером из Мордовии Николаем Митиным и пятикурсницей Натальей Дикан.

Фото А. НОВИКОВА.